

Я научился засыпать в седле,
рассчитывать опасное движение,
не торопясь, угадывать во мгле
ведущее к ночлегу направление.
Я вовремя почувствую беду,
страх одолею и отпряну в страхе,
а если где-то кожу обдеру,
всё заживает, словно на собаке.
Я рад, что тело на краю земли
все испытанья выдержало с честью.
Окрепили ноги, руки обросли
какой-то золотистой шерстью.
Как изменилось тело! Но душа
не может быть иной, хоть лезь из кожи.
Она во власти суеверной дрожи
в ночной простор глядит, едва дыша.
Не замечая быстротечных дней,
она живёт иными временами,
и будущее властвует над ней,
и прошлое преследует тенями.
Нет-нет — услышу: с милыми людьми
(на что ей эти реки, эти горы!)
она ведёт немые разговоры,
глядит в слезах в родимые просторы,
в другие ночи и другие дни.

* * *

Надоела мне радость чужая,
надоело, с привычной тоской
всю душевную статью обнажая,
вам рассказывать, кто я такой.

А в Небесных горах в это время
с перевалов сползают снега, —
знать, недаром в железное стремя
по весне запросилась нога.

Да спасёт меня дело мужское —
вьючить вьюки, седлать лошадей
и в сверкающем лунном просторе
вспоминать про любимых людей...

* * *

Мой друг! Под проливным дождём,
под синим азиатским зноем
мы начинаем наш подъём,
необходимый нам обоим.

От временных привалов дым
летит и в поднебесье тает,
и над твоим виском седым,
как венчик голубой, витает...

Послушай! В мире высоты
немного проку исподлобья
глядеть, как будто ищешь ты
хороший камень для надгробья.

Мы — как единственная связь,
как стык прошедшего с грядущим,
и только в этом наша власть
над временем, ревя ревушим.

И если мы не затвердим
его приметы честным словом,
оно исчезнет, словно дым,
растает в космосе суровом...

Нам надо жить и понимать,
что в мир вступают наши дети,
и нищим надо подавать,
покамест есть они на свете.

* * *

В окруженье порожистых рек,
в диком мире гранита и гнейса,
как ни горько, но знай, человек, —
на друзей до конца не надейся.

Нет, не то чтоб не верить в друзей —
мне по сердцу надёжные души, —

но стихийные силы сильней
самой нежной и преданной дружбы.

Рухнет камень, исчезнет стезя,
друг протянет бессильную руку.
Так не порть настроения другу
и рассчитывай сам на себя.

Ах! Так вот она, правда и жизнь:
в жаркий полдень, в холодную полночь
всем, кто просит участия, учись
помогать, не надеясь на помощь.

Но смотри: поскользнёшься и ты
и услышишь, как в мире бескрайнем
говорят на краю темноты
ледяное дыханье воды
с человеческим жарким дыханьем.

* * *

Смыкаю тяжёлые веки...
Опять пантопон виноват,
что высокогорные реки
в больничной палате шумят.

Им вторят тянь-шаньские ели,
колышется зной над хребтом,
и жадно хватают форели
приманку оскаленным ртом.

От счастья едва ли не плача,
я вновь бормочу в полусне
о том, что судьба и удача
ещё благосклонны ко мне.

Захваченный этой охотой,
у белых снегов на виду
бесшумной звериной походкой
я вдоль по карнизу иду.

Крадусь над сверкающей бездной,
забыв о печали земной,
и времени бег неизбежный
обходит меня стороной.

* * *

Облака плывут в Афганистан,
Туполанг течёт к Афганистану...
Я ещё от жизни не устал
и до самой смерти не устану.

Я подкрался, словно в забытьи,
по гранитной осыпи к обрыву
и рывком из бешеной струи
выбросил сверкающую рыбу.

И, очаг под камнем разведя,
захмелел от золотого чаю...
Отвечаю только за себя —
больше ни за что не отвечаю!

Отвечаю, что не пропаду,
не сорвусь ни в пропасть и ни в реку...
С деревом и с пламенем в ладу
хорошо живётся человеку.

Без людских печалей и потерь
я бы одиноким и свободным
прожил век, когда бы, как форель,
сердце было сильным и холодным.

* * *

Свистят сурки на склонах,
бурлит в ручьях форель —
как много их, зелёных
нехоженных земель!

Во все глаза, геолог,
гляди на этот мир,
нелёгко путь и долог
к джайлоо Сусамыр.

Пиши стихи, мой милый,
но пámятуй всегда:
живут стихийной силой
и песня, и судьба.

Где нам искать спасенья,
что делать, милый мой,
коль мы всего лишь звенья
меж песней и судьбой.

Но жить на свете стóбит,
и нас за этот труд
родной землёй укроют
и песней помянут.

ПАМЯТИ ДРУГА

Наши лошади шли по цветам,
в синих реках бродили по брюхо.
Я дивился гранитам и льдам,
необъятным для зренья и слуха.

Дети нежной и страшной земли —
если б делали нас из металла!
Мы с тобою полсвета прошли,
и по свету нас жизнь разметала.

Путь замкнулся до крайней черты...
Не с того ль я сегодня в Европе
по казенному делу, а ты
в почве родины, в цинковом гробе.

Самых лучших сминает судьба,
самых сильных и преданных косит...
Не удержишь ладоней у лба —
никнут долу, как ветер относит.

Наши тропы и наши костры,
запах счастья, свободы и дыма,
горький привкус огня и золы —
всё истаяло неотвратимо.

Сколько жизни я отдал земле,
сколько радостей в небе витает!
Не по мне этот мир, не по мне, —
так прекрасен, что сил не хватает.

ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПРЕФЕРАНС

...И снова дожди начались поутру.
А что же нам делать под небом грозóвым?
Мы лампу зажжём и затеем игру,
покамест бушует гроза над Варзобом.

Последняя карта. Последний маршрут.
Последний заход на краю небосвода...
Здоровье, отчаянье, сила, свобода —
последние козыри в дело идут,
которыми нас одарила природа.

Ты думаешь, выиграл? Милый чудак!
Мы в пух проигрались с тобой обоюдно.
В душе породнились веселье и страх:
где вечность — там весело и неудобно.

Недаром идёт за столом разговор
о том, как летят вертолёты вслепую,
как ливни ночами срываются с гор...
Ты втёмную? Не возражаю. Вистую.

Удар! И над осью Гиссара зигзаг
пронёсся, и охнула крыша палатки,
и небо на миг отразилось в глазах,
а с неба все взятки, как водится, гладки.

О чём нам заботиться, плакать о чём?
Что тучи на гребень снега́ отряхают?
Горят наши козыри синим огнём,
и синим огнём небеса полыхают.